

— Но и в старых, хорошо знакомых местах нас ожидали ещё приятные сюрпризы.

— Поехали мы как-то с Серёжей блеснить щук на канавы, что на двенадцатом километре Берлинки, в пойме Прохладной, - излюбленные места Сани Шевчука, который открыл их и для меня. Оставив мотоцикл как обычно под росшим отдельно кустом каких-то корявых деревьев, мы отправились облавливать ближайшую, самую большую канаву шириной метров в двадцать и длиной в сто. В ней чаще всего щуки и попадались, небольшие, правда, граммов по семьсот, до килограмма, и казалось, что их тут уже всех выловили, но они продолжали попадаться.

— Весной всю эту низину заливают разливами Прохладной, тогда-то щуки и пополняют, наверное, ряды обитателей этих канав, в которых, как позже выяснилось, водились ещё и крупные лини и караси. Но мы туда ездили только за щуками, весной и осенью.

— Так вот, в тот день Серёжа шёл впереди меня и продвигался довольно быстро вдоль канавы, но у самой её середины сделал неудачный заброс и соорудил из лесы капитальную "бороду". Пока он её распутывал, я потихоньку продвигался в его сторону, делая забросы то туда, то сюда. По опыту Шевчука я сделал "караванчик" из двух блёсен: одна, потяжелее, шла ниже, ближе ко дну, вторая - повыше. Дно канав травянистое, и нижняя блесна обычно уже на полдороге обматывалась травой, зато вторая ни за что не цеплялась, что должно было увеличивать вероятность поклёвки.

— И вот, когда я стоял уже метрах в пяти от Серёжи, я почувствовал рывок, который ни с каким зацепом не спутаешь, - поклёвка! На середине канавы образовался обширный бурун, к которому струной тянулась моя леса. Натяг был необычно силен.

— Серёжа! - завопил я. - У меня, кажется, на обе блесны взяло!

— Действительно, первоначальное ощущение было такое, что я удерживаю двух щук сразу. Минуту, другую я даже не пытался крутить катушку и наматывать лесу, только удерживал спиннингом примерно постоянный натяг, опасаясь рывков. Леса вычерчивала широкие зигзаги. Наконец, щука устала удерживаться на глубине и показалась на поверхности, её движения становились всё менее резкими и размашистыми, и вот она уже почти не движется, её голова с разинутой пастью целиком торчит из воды, и я начинаю потихоньку, плавно подводить её к берегу. Экземпляр велик, такие мне ещё не попадались.

— Вот она уже у самого берега. Башка по-прежнему торчит из воды. Но как быть дальше? Торфяной берег, хоть и не высокий, меньше метра, но резко обрывается к воде, и глубина около берега примерно с полметра, волоком не вытянешь, а ни багорика, ни подсачека нет, - обходились всегда без них. Местных килограммовых щук мы обычно просто выдёргивали из воды, заставляя их вылетать на берег. С этой так поступать было нельзя, - здорова, оборвёт лесу!

— Серёжа! Как быть? Помогай! Зайди в воду, попробуй её руками на берег выбросить!

— Серёжа с не меньшим чем у меня волнением следил за моими манипуляциями и с готовностью полез в воду. Оба мы были в болотных сапогах, и у берега вода не доходила до их краев. Щуку я подвёл вплотную к берегу. Она по-прежнему только чуть пошевеливала хвостом. Серёжа зашёл к ней сзади, я держал спиннинг в натяг.

— Под жабры её хватай и на берег выбрасывай! - командовал я Серёже.

— Последующие события развивались мгновенно, значительно быстрее, чем мой рассказ о них. Едва Серёжа сунул свои руки к щуке, она резко рванулась.

— Держи! - заорал я. - Прижимай к берегу! - и бросился на щуку, а точнее, на Серёжу, и мы оба завалились в воду.

— Где она? Упустил?!

— Здесь! Держу. К берегу прижал. Слезь с меня, - пыхтел подо мной Серёжа.

— Картина была исключительная! Серёжа, руками вцепившись в щуку, лежал в воде, придавленный мною. Я барахтался сверху, пытаюсь нашарить руками щуку и хватая

Серёжу за руки.

— Да слезай ты, я её держу! - Серёже уже надоело его положение. Я слез с него, выбрался на берег. Серёжа прижимал щуку руками и грудью.

— Подожди, дай я лесу натяну!

— Я поднял спиннинг. Удилище было сломано, видимо, когда я летел через него на Серёжу, леса порвана. Я взялся за конец, который шёл от блесны, крепко засевавшей в пасти щуки, натянул его и крикнул Серёже: - Швыряй! - а сам в это время тянул за лесу.

— Щука вылетела на берег. Вслед за ней вылез Серёжа, с которого ручьями текла вода. Я вымок меньше, так как был сверху, но в сапоги тоже набрал. Однако это нас несколько не беспокоило. Блаженство ощущения удачи согревало нас. Мы любовались щукой, курили, глубоко затягиваясь, благо сигареты у меня не промокли.

— Хороша, стерва! Не меньше трёх килограммов будет.

— Переведя дыхание, успокоившись, мы отнесли щуку к мотоциклу и бросили её на дно коляски, где она продолжала ворочаться с тяжёлым стуком.

— Несмотря на то, что стояла осень, день был тёплый, хотя и пасмурный. Мы отжались, подсушились и решили продолжить рыбалку. Я срстил сломанное удилище спиннинга, и мы пошли шастать по другим канавам. Вытащили ещё по шурёнку и собрались уже домой, как услышали голоса, и из-за кустов вылез... Саня Шевчук.

— Ну, как дела? Поймали чего?

— Да есть немного. Вытащили одну заразу в большой канаве. Килограмма на три. Видишь, спиннинг сломала.

— Я слышу, кто-то сказал - три килограмма? - вслед за Саней показался его напарник, сосед по дому.

— Ага. Не меньше.

— Здесь таких щук не бывает.

— Мы тоже так думали. Да вот попалась.

— Ну, покажите.

— А в коляске она.

— Ну-ну. Врёте, небось.

— Мы побродили ещё четвером. Но разъяснилось, стало жарко, поклёвок не было, и мы двинулись все вместе к стоянке наших мотоциклов.

— Ну, так где ваша щука, на три килограмма которая? - спросил Саня, когда мы подошли к мотоциклам. Я откинул полог коляски.

— Ух, ты! Ты смотри, в самом деле. Да она на все пять кило потянет. Как же вы это сумели?

— А вот так.

— И я рассказал со всеми подробностями, как мы поймали эту рекордсменку.

— Саня предлагал заехать к нему домой - взвесить. Безмена с собой ни у кого не было. Но мы не стали задерживаться. Я отвёз Серёжу домой, и мы не удержались, чтобы не подняться к Кочемировским и не похвастаться своей добычей. Равнодушный к рыбалке Лёша и тот ахнул:

— Ай да молодцы. Первый раз такую рыбину вижу.

— Щука занимала половину моего здорового рюкзака. Дома я её взвесил. Она потянула на четыре килограмма шестьсот граммов. По сей день это мой рекорд по весу одного экземпляра. Голову щуки я засолил и высушил, зафиксировав её пасть в полураскрытом положении, чтобы видны были зубы, вместо глаз клеил зелёные пуговицы, и она всё ещё стоит вот уже который год на полке книжного стеллажа в ряду прочих сувениров.

(продолжение следует)